

ЭСТЕТ

У СОВЕРШЕНСТВА
НЕТ МИЛОСЕРДИЯ.

АВТОР

ВИКТОРИЯ ЭЛЬ

18+

Виктория Эль

Эстет

«Автор»

2026

Эль В.

Эстет / В. Эль — «Автор», 2026

После потери работы Виктор Берн находит новую профессию — он становится танатопрактиком. Человеком, который возвращает умершим человеческий облик перед последним прощанием. Он быстро становится одним из лучших в своём деле. Почти гением. Но чем совершеннее выходит его работа, тем сильнее меняется он сам. Граница между искусством и жизнью начинает стираться. А вместе с ней — и всё, что когда-то отделяло его от бездны. Тёмная, изысканная и леденящая история об одержимости красотой и цене, которую приходится платить за идеал.

© Эль В., 2026

© Автор, 2026

Виктория Эль

Эстет

Глава 1

Вустер, штат Массачусетс, США.

Это был город красного кирпича, старых церквей и кварталов трехэтажных деревянных домов с просторными верандами. Здесь не было суеты Нью-Йорка и блеска Бостона. Вустер жил спокойно и размеренно. По будням улицы наполнялись людьми, спешившими в офисы, мастерские и небольшие семейные магазины, а перед кофейнями каждое утро выстраивались очереди.

Июньское солнце уже поднималось над крышами домов. На дорогах становилось все больше машин, автобусы выходили на маршруты, владельцы небольших кофейен поднимали рольставни, и воздух постепенно наполнялся запахом свежесваренного кофе.

Будильник зазвонил в 6:30.

Виктор, не открывая глаз, нащупал телефон на тумбочке и привычным движением отключил сигнал. Несколько секунд лежал неподвижно, будто пытался договориться с собой: еще минуту — и можно вставать.

Не получилось.

Он сел на край кровати, потер ладонями лицо и тихо пробормотал:

— Доброе утро...

Вдалеке загудел школьный автобус. За окном хлопнула дверь пикапа. Сверху снова что-то с грохотом упало.

Виктор посмотрел на потолок.

— Семь утра. Похоже, мистер Томпсон снова уронил свои гантели.

Он усмехнулся. Сосед сверху никогда не изменял своим привычкам.

Виктор поднялся с кровати, прошел на кухню и нажал кнопку кофеварки.

Пока тонкой струйкой в кружку лился кофе, он открыл холодильник.

Два яйца.

Несколько ломтиков сыра.

Почти пустая бутылка молока.

Он достал яйца. На одном оказалась трещина.

— Ну конечно...

Яичница подгорела с одного края. Виктор посмотрел на нее, пожал плечами и выключил плиту.

Есть можно.

Последние несколько лет эти два слова подходили почти ко всему в его жизни.

За завтраком он машинально пролистал ленту новостей. Несколько секунд задерживался на заголовках, затем заблокировал телефон.

Ничего, что не могло подождать до вечера.

Телефон тут же завибрировал.

Мама.

Виктор улыбнулся раньше, чем ответил.

— Доброе утро, мам.

— Только не говори, что ты опять собираешься уйти без завтрака.

Виктор посмотрел на тарелку с подгоревшей яичницей.

— Работаю над этим.

— Виктор...

Он усмехнулся.

— Правда. Уже ем.

— Хорошо. Тогда вечером позвони мне.

— Обязательно.

— Люблю тебя, милый.

— И я тебя, мам.

Виктор взглянул на часы.

— Черт...

Он уже выбивался из графика.

Возле Dunkin' былолюдно, как всегда.

Люди в деловых костюмах, медсестры после ночной смены, студенты с рюкзаками — утренний поток двигался быстро и почти молча.

Парень за кассой увидел его и сразу потянулся к большому бумажному стакану.

— Как обычно?

— Да.

— Большой Американо. Без сахара, верно?

— Именно.

Продавец поставил стакан на стойку.

— Хорошего дня, Вик.

— Спасибо. И тебе.

Офис встретил его привычным гулом кондиционеров, запахом кофе и голосами, сливавшимися в ровный утренний шум.

Возле принтера кто-то уже спорил.

Из переговорной доносился смех.

— Доброе утро!

— Привет, Вик!

— Слышал? Джон снова продул в корпоративной лиге по боулингу.

— Не удивлен.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз он умудрился уронить шар себе на ногу.

Все рассмеялись.

— Это была случайность! — возмутился Джон из соседнего кабинета.

— Конечно, — не удержался кто-то.

Виктор поставил кофе возле монитора и включил компьютер.

Экран медленно ожил.

Почта.

Отчеты.

Таблицы.

Обычный вторник.

Он открыл первое письмо, пробежал глазами несколько строк.

На экране всплыло уведомление.

Виктор, пожалуйста, пройдите в переговорную «В».

Виктор нахмурился.

9:48.

До еженедельного собрания было почти два часа.

Странно.

Он поднялся и направился по коридору.

Дверь кабинета начальника была открыта.

Внутри уже сидела сотрудница отдела кадров.

Оба одновременно подняли головы.

— Виктор, проходите.

Почему-то именно в этот момент он все понял.

Не разумом.

Где-то внутри.

Еще до того, как за его спиной тихо закрылась дверь.

На столе лежала тонкая синяя папка.

Рядом стояла бутылка воды.

Сотрудница отдела кадров улыбнулась.

Слишком осторожно.

Начальник сцепил пальцы.

— Виктор... прежде всего хочу сказать, что это решение никак не связано с качеством вашей работы.

Он молча кивнул.

Дальнейшие слова звучали знакомо. Будто их уже сотни раз произносили в таких же кабинетах.

— Компания закрывает часть отделов...

Небольшая пауза.

— Ваша должность попала под сокращение.

Тишина.

За окном кто-то нетерпеливо нажал на клаксон.

Виктор смотрел на бутылку воды.

По прозрачному пластику медленно сползала капля.

Почему-то именно она сейчас казалась самой реальной вещью в комнате.

— Сегодня ваш последний рабочий день.

Он снова кивнул.

— Я понял.

И действительно понял.

Не сразу — целиком.

Но достаточно, чтобы поставить подпись там, где показали.

Одну.

Потом вторую.

Закрыть папку.

Подняться.

— Спасибо.

Начальник тоже встал.

— Если понадобится рекомендация...

— Спасибо.

Они пожали друг другу руки.

Рукопожатие оказалось длиннее, чем требовали правила вежливости.

И намного короче, чем четыре года работы.

Глава 2

Он свернул на территорию жилого комплекса.

Аккуратно подстриженные газоны. Одинаковые двухэтажные дома с белыми фасадами. На нескольких верандах лениво покачивались американские флаги.

Возле мусорных контейнеров стоял грузовик коммунальной службы. Из открытого гаража на соседней улице доносился старый рок семидесятых. Мужчина через дорогу натирал до блеска черный Ford Mustang, время от времени любуясь отражением в его капоте.

Жизнь вокруг шла своим чередом.
Только у Виктора будто кто-то нажал на паузу.
Он заглушил двигатель, но выходить не стал.
Руки так и остались лежать на руле.
Перед глазами снова всплыла переговорная.
Синяя папка.
Бутылка воды.
«Сегодня ваш последний рабочий день».
Он медленно провел ладонями по лицу.
— Господи...
Взгляд упал на белый конверт, лежавший на пассажирском сиденье.
Счет за квартиру.
Он вскрыл его ногтем, быстро пробежал глазами по цифрам и невольно задержался на дате оплаты.
До конца договора аренды оставалось меньше месяца.
Без работы никто не станет продлевать ее.
Рука сама потянулась к телефону.
Банковское приложение.
Баланс.
Потом калькулятор.
Пальцы несколько раз набрали одну и ту же сумму.
Если отказаться от кафе...
Если пока не платить за спортзал...
Если быстро найти работу...
Он раздраженно заблокировал экран.
— Все так не вовремя...
Эта мысль была настолько очевидной, что от нее становилось только хуже.
Коробку с вещами он забрал лишь со второй попытки.
Сначала вышел из машины, почти дошел до подъезда и только потом вспомнил, что оставил ее на пассажирском сиденье.
Раньше такого с ним не случалось.
Квартира встретила привычной тишиной.
Не той уютной, к которой он давно привык.
Сегодня она казалась слишком громкой.
Он поставил коробку у стены, снял пиджак, бросил ключи на комод. Связка громко ударилась о деревянную поверхность, и звук неожиданно разлетелся по всей квартире.
Будто здесь стало слишком много пустоты.
На кухне Виктор открыл шкаф.
На верхней полке стояла почти полная бутылка виски.
Он посмотрел на нее несколько секунд.
Потом достал стакан.
Налил совсем немного.
Сделал глоток.
Поморщился.
Давно не пил.
Виски обжег горло, растекся теплом по груди.
Но внутри ничего не изменилось.
Он прошел в гостиную и тяжело опустился на диван.
Телевизор включился почти автоматически.

Кулинарное шоу.
Политическое ток-шоу.
Фильм.
Реклама.
Новости.
Бейсбол.
Какой-то сериал.
Каналы сменяли друг друга быстрее, чем он успевал понять, что идет на экране.
Ему было все равно.
Главное — чтобы в квартире звучали хоть какие-то голоса.
Стакан постепенно опустел.
Пульт так и остался в руке.
Телевизор продолжал что-то говорить.
Виктор уже давно его не слушал.
Будильник зазвонил ровно в шесть тридцать.
Он открыл глаза не сразу.
Несколько секунд просто смотрел в потолок, не понимая, почему так затекла шея.
Потом вспомнил.
Он уснул прямо на диване.
Телевизор все еще работал.
По экрану беззвучно двигались губы ведущей утренних новостей.
Пульт лежал у него на груди.
Виктор медленно сел.
На полу стоял пустой стакан.
Он посмотрел на часы.
6:32.
Организм уже жил по привычному расписанию.
Нужно было встать.
Принять душ.
Побриться.
Сварить кофе.
Доехать до офиса...
Мысль оборвалась сама собой.
Он замер.
Еще вчера это было обычное утро.
Сегодня ехать было некуда.
В квартире снова стало тихо.
Только будильник продолжал настойчиво звенеть.
Виктор потянулся к телефону и выключил его.
Экран погас.
Через несколько секунд он снова взял телефон в руки.
Открыл список будильников.
Понедельник.
Вторник.
Среда.
Четверг.
Пятница.
Каждое утро — 6:30.
Каждое утро — дорога на работу.

Он долго смотрел на зеленые переключатели.
Потом медленно провел пальцем вниз.
Один.
Еще один.
Еще.
Телефон коротко завибрировал после последнего отключенного будильника.
Виктор положил его на журнальный столик.
В квартире стало непривычно тихо.
Словно вместе с будильниками он выключил и весь свой привычный распорядок.
Телевизор по-прежнему беззвучно показывал утренние новости.
— К черту все...
Он натянул плед до подбородка, отвернулся к спинке дивана и закрыл глаза.
На этот раз сон пришел почти сразу.

Глава 3

Виктор проснулся около восьми.
Несколько секунд лежал неподвижно, прислушиваясь к тишине.
Потом медленно сбросил ноги с дивана.
Шея неприятно затекла после ночи в неудобной позе. Он осторожно повел головой, поморщился и только потом поднялся.
Телевизор все еще светился.
Виктор взял пульт и выключил его.
В квартире сразу стало тихо.
Он прошел на кухню.
Кофеварка загудела почти сразу.
Пока темная струйка наполняла кружку, Виктор стоял у окна.
Парковка возле жилого комплекса постепенно оживала.
Мужчина торопливо пристегивал сына в детском кресле.
Молодая женщина в деловом костюме несла стакан кофе и одновременно разговаривала по гарнитуру, то и дело поглядывая на часы.
У выезда остановился синий школьный автобус. Двери открылись, впуская последних сонных учеников, потом автобус плавно тронулся дальше.
У каждого было место, куда нужно успеть.
Кроме него.
Эта мысль пришла неожиданно и неприятно кольнула где-то внутри.
Виктор отвернулся от окна, взял кружку и пошел в ванную.
Зеркало встретило его честно.
Волосы торчали в разные стороны.
Под глазами проступили темные круги.
Он пригладил волосы ладонью, провел пальцами по щекам, словно пытался понять, насколько сильно вчерашний день отпечатался на лице.
— Красавец... — негромко усмехнулся он своему отражению.
Открыл кран.
Холодная вода обожгла ладони.
Он несколько раз плеснул ее в лицо, задержал дыхание, выпрямился и снова посмотрел на себя.
Легонько похлопал по щекам.
— Не раскисай, старина.

Он говорил себе эти слова уже много лет.
Перед важными собеседованиями.
Перед сложными совещаниями.
Перед днями, когда казалось, что сил не хватит.
Обычно это помогало.
Сегодня — не очень.
Виктор сделал несколько глотков кофе, вернулся в гостиную и открыл ноутбук.
Экран вспыхнул привычным светом.
Почтовый ящик был пуст.
Он открыл сайт с вакансиями.
В строке поиска уже стояло название его профессии.
Браузер запомнил вчерашний запрос.
Виктор нажал Enter.
На экране появились десятки объявлений.
Первое.
Требования.
Обязанности.
Опыт работы.
Зарплата.
Он дочитал до конца и закрыл вкладку.
Второе.
Требовался сертификат, которого у него никогда не было.
Третье.
Переезд в другой штат.
Четвертое.
Ночные смены.
Пятое.
Временный контракт на три месяца.
Он переходил от одной вакансии к другой.
Некоторые закрывал почти сразу.
Над другими задерживался на несколько минут, пытаясь представить себя на новом месте.
Возле части объявлений была кнопка *«Подать заявление в один клик»*.
Он нажимал ее почти автоматически.
Прикрепить резюме.
Сопроводительное письмо.
«Буду рад возможности обсудить свою кандидатуру...»
Отправить.
Следующая.
Время перестало ощущаться.
Когда кружка опустела, он даже не заметил.
Просто пошел на кухню, налил еще кофе и вернулся обратно.
К полудню Виктор отправил двенадцать резюме.
Телефон продолжал молчать.
Ответ пришел только один.
«Благодарим вас за проявленный интерес ...»
Он узнал это письмо с первых слов.
Даже читать дальше не стал.
Закрыв вкладку.

Потер уставшие глаза.
Телефон лежал совсем рядом.
Он уже взял его в руку.
Хотел позвонить кому-нибудь из бывших коллег.
Спросить, не слышали ли они о свободных местах.
Но представил этот разговор.
«Меня вчера сократили...»
От одной этой фразы стало не по себе.
Он медленно положил телефон обратно.
Снова открыл сайт.
Еще одна вакансия.
Еще одно резюме.
Еще одно:
«Отправлено успешно».
На экране закрутился кружок загрузки.
Виктор молча смотрел на него.
Будто от того, сколько он будет возвращаться, зависело что-то важное.
Наконец ноутбук закончил загрузку.
Виктор устало выдохнул, закрыл крышку.
Посидел несколько секунд.
Потом снова открыл ее.
На экране все еще светился список вакансий.
Он смотрел на них. И не видел ни одной, где мог бы оказаться завтра.

Глава 4

К середине дня экран начал рябить в глазах.
Виктор откинулся на спинку кресла, сделал последний глоток давно остывшего кофе и обновил страницу.
Новых вакансий почти не появилось.
Он лениво прокручивал объявления, уже почти не вчитываясь в названия.
Менеджер.
Оператор.
Логистика.
Страхование.
Продажи.
Палец сам остановился.
Thanatopraxy Training Program.
Виктор нахмурился.
— Опять ты...
Он уже видел это объявление вчера.
Тогда даже не стал открывать.
Сегодня почему-то задержался.
Несколько секунд просто смотрел на название.
Потом все-таки нажал.
На экране появилось подробное описание.
Обучение с нуля.
Шесть месяцев.
Получение лицензии.

Практика.

Гарантированное трудоустройство.

Он дочитал до конца и невольно усмехнулся.

— Да нет...

Покачал головой.

— Даже не думай.

Курсор завис над кнопкой «Откликнуться».

Виктор убрал руку с мыши.

Закрыв страницу.

Минуту смотрел в пустой экран браузера.

Потом снова открыл объявление.

На этот раз читал медленно, не пропуская ни строчки.

«Подготовка специалистов по посмертной реконструкции и восстановлению внешнего вида умерших...»

Он невольно поморщился.

Воображение тут же нарисовало холодный подвал.

Металлические столы.

Резкий запах химии.

Тела под белыми простынями.

— Господи...

Виктор резко захлопнул ноутбук, будто этим можно было прогнать неприятную картину.

Поднялся.

Прошелся по комнате.

Подожел к окну.

Во дворе кто-то выгуливал золотистого ретривера. Молодая мама катила коляску. Курьер в яркой куртке остановился у соседнего подъезда и что-то проверял в телефоне.

Обычная жизнь.

Такая, в которой никто не думает о смерти.

Он поймал себя на этой мысли и невольно усмехнулся.

Неправда.

Все просто делают вид.

Виктор вернулся к столу.

Открыл ноутбук.

Объявление все еще ждало его.

— Нет... Я не смогу.

Он провел ладонью по лицу.

Компьютер едва слышно шумел вентиляторами.

Виктор снова посмотрел на экран.

«Требования к кандидатам отсутствуют.»

Он хмыкнул.

— Конечно отсутствуют...

Кто вообще мечтает заниматься такой работой?

Палец снова потянулся к тачпаду.

Он прокрутил страницу ниже.

Фотографии учебных аудиторий.

Светлые кабинеты.

Люди в медицинской форме.

Улыбающийся преподаватель что-то объяснял группе студентов.

Все выглядело удивительно... обычно.

Совсем не так, как представлялось.
Это сбивало с толку.
Но не убеждало.
Виктор снова закрыл вкладку.
На этот раз решительно.
Почти сразу открыл банковское приложение.
Посмотрел остаток на счете.
Потом перевел взгляд на конверт со счетом за квартиру.
Тот по-прежнему лежал на краю стола.
Белый.
Тихий.
Но почему-то именно он давил сильнее любого объявления.
Виктор долго смотрел на него.
Потом снова открыл страницу с курсом.
Теперь взгляд сразу остановился на строке, которую он почему-то не замечал раньше.
«Студентам предоставляется жилье на весь период обучения.»
Он перечитал.
Еще раз.
Потом еще.
Жилье.
Без аренды.
Шесть месяцев.
Он взял калькулятор.
Быстро ввел стоимость аренды.
Умножил на шесть.
Получившаяся сумма заставила его медленно выдохнуть.
Это были деньги, которых у него просто не было.
Виктор откинулся на спинку кресла.
— Это ничего не меняет...
Он сказал это тихо.
Скорее себе, чем пустой комнате.
Прошла почти минута.
Он снова посмотрел на экран.
— Хотя...
Слова повисли в тишине.
— Это всего лишь обучение.
Он попытался ухватиться за эту мысль.
Никто же не заставляет потом работать...
Фраза оборвалась сама собой.
Он прекрасно понимал, зачем люди идут на такие курсы.
Не ради красивого диплома.
И не из любопытства.
Виктор устало потер переносицу.
— Черт...
Палец завис над кнопкой «Откликнуться».
Он так и не нажал ее.
Но вкладку больше не закрыл.

Глава 5

Виктор долго смотрел на кнопку «Подать заявление».

Палец замер над тачпадом.

— Ну же...

Он сам не понял, кому это сказал.

Экран молчал.

Всего одна кнопка.

Виктор глубоко вдохнул и нажал.

Открылась анкета.

Имя.

Фамилия.

Адрес.

Телефон.

Электронная почта.

Предыдущее место работы.

Причина смены профессии.

На последнем вопросе он остановился.

Поле оставалось пустым.

Он несколько раз начинал печатать. «Финансовые трудности». Стер. «Поиск нового направления». Стер. «Личные обстоятельства». Стер. В конце концов написал: «Смена профессии». Коротко. Без объяснений.

Прикрепил резюме.

Еще раз пробежал глазами по анкете.

Нажал «Отправить».

Несколько секунд на экране вращался кружок загрузки.

Потом появилось сообщение:

«Ваша заявка успешно отправлена. Благодарим за проявленный интерес к программе обучения.»

Вот и всё.

Виктор еще немного посидел перед ноутбуком, потом молча закрыл крышку.

На следующее утро телефон коротко завибрировал.

Виктор как раз поставил кружку под кофеварку.

Он машинально взглянул на экран.

Институт Танатопрактики Новой Англии.

Он нахмурился.

— Уже?

Кофеварка продолжала шуметь.

Он выключил ее, так и не дождавшись, пока кружка наполнится, поставил кофе на стол и открыл письмо.

Здравствуйте, Виктор Берн.

Приемная комиссия рассмотрела вашу заявку.

Рады сообщить, что ваша заявка одобрена.

Вы зачислены на ближайший курс подготовки танатопрактиков.

Начало обучения — в следующий понедельник.

Просим вас прибыть для подписания договора и оформления документов по адресу:

Институт танатопрактики Новой Англии

1480 Hartford Pike

Norwich, Connecticut

*Во время обучения всем студентам предоставляется жилье.
С уважением,*

Приемная комиссия Института танатопрактики Новой Англии.

Виктор дочитал письмо до конца.

Потом вернулся в начало и прочитал еще раз.

Он ожидал собеседования.

Хотя бы короткого разговора.

Или отказа.

Но не письма с готовым приглашением.

Он медленно сел.

— Вот так сразу...

Кофеварка тихо пискнула, сообщая, что закончила работу.

Он даже не обернулся.

Открыл карту.

Ввел адрес института.

Маршрут появился почти сразу.

Два часа двенадцать минут.

Виктор приблизил карту.

Потом снова уменьшил масштаб.

— Коннектикут...

Недалеко.

Не другой конец страны.

Не нужно продавать вещи или искать новую квартиру.

Просто собрать сумку и уехать.

Он снова открыл письмо.

Взгляд остановился на строчке:

«Во время обучения всем студентам предоставляется жилье.»

Он еще раз посмотрел на счет за квартиру, лежавший на столе.

Потом снова перевел взгляд на письмо.

— В принципе... ничего страшного.

Попробую.

Не понравится — вернусь.

Он сказал это негромко.

Скорее чтобы услышать собственный голос, чем убедить себя.

Письмо осталось открытым.

Виктор еще несколько секунд смотрел на адрес института, словно пытался запомнить его с первого раза.

Потом сделал первый глоток уже почти остывшего кофе.

Глава 6

Неделя пролетела быстрее, чем Виктор ожидал.

После письма время словно перестало тянуться. Появились дела: предупредить арендодателя, собрать вещи, оплатить последние счета, проверить машину перед дорогой.

Этого хватало, чтобы не думать о том, куда он едет и чему собирается учиться.

Квартира постепенно пустела.

Со стен исчезли фотографии. Книги перекочевали в картонные коробки. Одежда — в дорожные сумки.

Виктор никогда особенно не привязывался к вещам.

Почти вся его жизнь умещалась в багажнике седана.

Несколько коробок с книгами.

Ноутбук.

Одежда.

Кофеварка.

Любимая кружка с едва заметным сколом на ручке.

И старый настольный вентилятор, который каждое лето начинал скрипеть, но почему-то продолжал работать.

Он еще раз обошел квартиру.

Открыл шкафы.

Заглянул под кровать.

Выключил свет в ванной.

Постоял посреди гостиной.

Пустая квартира выглядела совсем не так, как неделю назад.

Еще недавно он был уверен, что проживет здесь как минимум до конца года.

Закрывая дверь, Виктор достал телефон.

До выезда оставалось около двух часов.

И только сейчас он вспомнил, что так и не позвонил матери.

Она ответила почти сразу.

— Привет, милый. Все в порядке?

— Да... Все нормально.

— Тогда что случилось?

Виктор невольно улыбнулся.

Она всегда чувствовала, когда он звонит не просто так.

— Помнишь, я говорил, что меня сократили?

— Конечно. Как ты?

— Уже лучше.

Он перевел взгляд на коробки.

— Кажется, я нашел работу.

— Seriously?

В ее голосе сразу появилась надежда.

— Где?

— Пока не работу. Сначала обучение.

— Хорошо... И чему будут учить?

— Танатопрактике.

Ненадолго стало тихо.

— Прости... чему?

— Людей готовят к работе в похоронных домах.

Еще одна пауза.

— Подготавливают умерших к похоронам.

Мать медленно выдохнула.

— Вот этого я точно не ожидала.

Виктор тихо усмехнулся.

— Я тоже.

— И ты решил попробовать?

— Думаю, да.

— Ты уверен?
Он не ответил сразу.
— Не совсем.
Честнее сказать не получалось.
— Но они дают жилье на время учебы. И после курса обещают работу.
— Это далеко?
— Коннектикут.
— От тебя часа два?
— Примерно.
Она снова помолчала.
— Знаешь... Мне трудно представить тебя в такой профессии.
— Мне тоже.
Он провел рукой по затылку.
— Если честно, мне немного не по себе.
— Тогда почему именно это?
Он посмотрел на коробки у двери.
— Потому что они ответили.
Она ничего не сказала.
— Я отправил кучу резюме.
Он пожал плечами, хотя она не могла этого видеть.
— Ответ пришел только от них.
В трубке снова стало тихо.
Потом мать заговорила совсем спокойно.
— Помнишь, как ты выбирал колледж?
Виктор улыбнулся.
— Еще бы.
— Ты тогда тоже долго сомневался. Все взвешивал. Зато потом ни разу не сказал, что ошибся.
Он кивнул сам себе.
— Надеюсь, сейчас будет так же.
— Думаю, будет.
Она немного помолчала.
— Послушай меня.
— Да?
— Даже если мне непривычно это слышать... я все равно за тебя.
Виктор прикрыл глаза.
— Спасибо, мам.
— Только обещай, что будешь звонить.
Он улыбнулся.
— Обещаю.
— Береги себя, хорошо?
— Хорошо.
— Люблю тебя.
— И я тебя люблю.
Связь оборвалась.
Виктор еще немного смотрел на потухший экран телефона.
Потом убрал его в карман.
Подхватил первую коробку.
Запер дверь.

Опустил ключ в почтовый ящик офиса управляющей компании.
На секунду задержался у подъезда.
Потом пошел к машине.
Двигатель завелся с первого раза.
Навигатор уже построил маршрут
Norwich, Connecticut.
Два часа одиннадцать минут.
Виктор выехал с парковки.
В зеркале заднего вида быстро уменьшался дом, в котором он прожил почти три года.
Через минуту он свернул на автостраду.

Глава 7

Навигатор показывал чуть больше двух часов пути.
Виктор выехал рано, чтобы не торопиться.
Автострада постепенно уводила его все дальше от Ньюпорта.
За окном сменялись заправки, придорожные кафе, мотели с выцветшими вывесками и небольшие городки, похожие один на другой.
Машин было немного.
Радио негромко играло, но минут через тридцать Виктор выключил его.
В дороге хотелось тишины.
Иногда мелькала мысль развернуться.
Никто не заставлял его ехать.
Можно было вернуться, снова открыть сайты с вакансиями, отправить еще десяток резюме и сделать вид, что никакого письма не было.
Но взгляд каждый раз возвращался к телефону, закрепленному на панели.
Синяя линия маршрута упрямо тянулась вперед.
До места назначения оставалось тридцать минут.
Институт танатопрактики Новой Англии оказался совсем не таким, каким Виктор его представлял.
Он ожидал увидеть старое мрачное здание — что-то среднее между больницей и моргом.
Вместо этого перед ним стоял аккуратный трехэтажный корпус из красного кирпича с широкими окнами и ухоженными газонами.
Перед входом развевался американский флаг.
Несколько студентов катили чемоданы к общежитию.
Кто-то смеялся.
Кто-то разговаривал по телефону.
Кто-то придерживал дверь, пропуская остальных.
Все выглядело настолько обычно, что Виктор даже сверился с адресом на телефоне.
Совпадало.
Он заглушил двигатель, взял папку с документами и вошел внутрь.
Холл напоминал обычный колледж.
Светлый пол.
Стойка администратора.
Автоматы с кофе и снеками.
Стенды с расписанием.
Пахло свежей краской и недавно вымытым полом.
— Доброе утро. Чем могу помочь?
Женщина за стойкой приветливо улыбнулась.

— Виктор Берн. Мне назначили оформление на сегодня.
Она быстро посмотрела в монитор.
— Нашла вас.
Улыбнулась еще раз.
— Добро пожаловать, мистер Берн. Декан уже ждет. Второй этаж, кабинет двести сорок
надцать.
— Спасибо.
На двери висела небольшая табличка:
Декан факультета подготовки танатопрактиков
Виктор постучал.
— Входите.
За столом сидел мужчина лет шестидесяти.
Светло-седые волосы были аккуратно зачесаны назад.
Тонкие очки в металлической оправе.
Увидев Виктора, он сразу поднялся.
— Виктор Берн?
— Да.
— Майкл Харрис.
Он протянул руку.
— Рад знакомству.
Рукопожатие было крепким.
— Присаживайтесь.
Кабинет выглядел так же, как сотни других деканских кабинетов.
Книжные шкафы.
Дипломы на стенах.
Фотографии выпускников.
На подоконнике — небольшой фикус.
— Как добрались?
— Хорошо. Дорога заняла часа два.
— Отлично.
Харрис сел за стол.
— Значит, уже начинаете привыкать к мысли, что следующие полгода проведете здесь?
Виктор усмехнулся.
— Пока только пытаюсь.
— Это нормально.
Харрис открыл папку.
— Почти все так говорят в первый день.
Он пролистал документы.
— Обычно к нам приходят двумя путями. Одни давно знают, чем хотят заниматься. Дру-
гих приводит жизнь.
Он поднял взгляд.
— Вторых гораздо больше.
Виктор молча кивнул.
Подписание документов заняло несколько минут.
Харрис спокойно объяснил правила проживания, расписание занятий, требования к
форме и технике безопасности.
Затем закрыл папку.
— Остался один вопрос.
Он посмотрел Виктору прямо в глаза.

— Мертвых боитесь?
Виктор не сразу ответил.
— Да.
Харрис улыбнулся.
— Отлично.
Виктор вопросительно посмотрел на него.
— Было бы странно услышать другое.
Он слегка пожал плечами.
— Почти все боятся.
Ненадолго.
— Главное — не пытайтесь избавиться от этого страха сразу.
Он открыл ящик стола, достал пластиковую карточку и связку ключей.
— Ваш пропуск.
Он положил карточку рядом с ключами.
— Общежитие за главным корпусом. Комната двести восемнадцать.
Короткая улыбка.
— Соседа пока нет. Так что первое время будете хозяином комнаты.
Виктор улыбнулся в ответ.
— Спасибо.
Общежитие оказалось таким же современным, как учебный корпус.
Светлые коридоры.
Большие окна.
Общая кухня на этаже.
Комната была небольшой, но уютной.
Кровать.
Письменный стол.
Шкаф.
Книжная полка.
Окно выходило во внутренний двор.
Виктор поставил сумки на пол и открыл окно.
В комнату сразу вошел теплый летний воздух.
Во дворе студенты перебрасывались мячом.
Кто-то заносил вещи.
Двое спорили, где оставить машину.
Все было удивительно обычным.
Будто он приехал не учиться профессии, связанной со смертью, а поступил в самый обычный колледж.
Он начал разбирать вещи.
Повесил в шкаф несколько футболок.
Поставил на стол ноутбук.
Рядом — любимую кружку.
Последней достал фотографию матери.
Несколько секунд подержал ее в руках.
Потом поставил возле окна.
На часах было без пятнадцати пять.
До начала занятий оставался один вечер.

Глава 8

Будильник прозвенел в семь утра.

Виктор выключил его почти сразу. Несколько секунд лежал, глядя в потолок. За окном хлопнула дверца машины, кто-то негромко поздоровался, послышался смех. Общежитие уже просыпалось.

Он поднялся, застелил кровать, достал из шкафа чистую футболку и джинсы.

Ванная находилась в конце коридора. Пока Виктор чистил зубы, рядом умывались еще двое студентов. Один что-то рассказывал с зубной щеткой во рту, второй брился и время от времени кивал, хотя было непонятно, слышит он хоть слово.

На первом этаже пахло свежим кофе.

Несколько человек уже собрались у автоматов. Кто-то наливал горячий шоколад, кто-то безуспешно пытался расплатиться мелочью, тихо ворча себе под нос.

Виктор выбрал черный кофе.

— Первый день?

Он обернулся.

Высокий парень примерно его возраста держал в руках два бумажных стаканчика. Один едва не выскользнул, но парень ловко поймал его локтем.

— Да.

— Так и подумал.

— Правда?

— Новеньких всегда видно.

Он улыбнулся.

— Первые минут десять все смотрят по сторонам так, будто сейчас выяснится, что приехали не туда.

Виктор невольно улыбнулся.

— Зак.

— Виктор.

Они пожали друг другу руки.

— Уже заселился?

— Вчера.

— Повезло. Вечером тут была очередь.

Зак посмотрел на второй стаканчик.

— Аппарат решил, что одного кофе мне мало. Если пьешь с молоком — забирай.

Виктор на секунду замешкался.

— Спасибо.

Они вышли во двор.

Солнце уже поднялось над деревьями. По дорожкам к учебному корпусу шли студенты. Кто-то на ходу застегивал рюкзак, кто-то разговаривал по телефону, кто-то шел в наушниках, ни на кого не обращая внимания.

— Если честно, — сказал Зак, — я вчера полвечера думал, что сегодня нас сразу поведут в морг.

— Я тоже.

— А вдруг так и будет?

Виктор посмотрел на стаканчик.

— Тогда кофе был плохой идеей.

Зак коротко рассмеялся.

К ним быстрым шагом подошла девушка с короткими темными волосами. Она остановилась возле автомата, похлопала себя по карманам и тихо вздохнула.

— Вот черт...

Зак уже доставал свою карточку.

— Забыла?

— Ага.

Он приложил карточку к терминалу.

— Держи.

— Спасибо.

Девушка повернулась к ним.

— Вы тоже первокурсники?

— Похоже, да.

— Отлично.

Она взяла стаканчик.

— А то я уже начала думать, что одна здесь никого не знаю.

— Зак.

— Виктор.

— Эмили.

Она пожала им руки.

Несколько секунд они молча шли к корпусу.

Потом Эмили усмехнулась.

— Я, кстати, до сих пор не сказала родителям, чем именно буду заниматься.

— Серьезно?

— Сказала, что это что-то связанное с медициной.

Зак хмыкнул.

— Формально не соврала.

— Формально — нет.

Виктор улыбнулся в свой стаканчик.

Первая лекция проходила в просторной аудитории.

Ряды поднимались амфитеатром. Впереди висел большой экран.

Студенты постепенно занимали места. Кто-то сразу открывал ноутбук, кто-то доставал тетрадь. На заднем ряду парень безуспешно пытался подключить зарядку и тихо ругался, пока сосед не показал свободную розетку под столом.

В аудиторию вошел мужчина лет пятидесяти в сером пиджаке.

— Доброе утро. Меня зовут профессор Ричард Коул. Добро пожаловать в Институт танатопрактики Новой Англии.

Он представился и без лишних вступлений включил презентацию.

Первый слайд оказался неожиданным.

На нем были старые фотографии конца девятнадцатого века.

— Сегодня мы не будем говорить о практике. Для начала нужно понять, как вообще появилась эта профессия.

Следующий час прошел за рассказом об истории бальзамирования, развитии похоронного дела в Соединенных Штатах, изменениях законодательства и появлении современных методов реставрации.

Никаких фотографий тел.

Никаких шокирующих кадров.

Только даты, архивные снимки и фамилии людей, стоявших у истоков профессии.

Виктор поймал себя на том, что слушает с интересом.

Когда прозвенел звонок, он даже удивился, что лекция закончилась так быстро.

После короткого перерыва началась следующая пара.

На этот раз преподаватель говорил о профессиональной этике.

О том, как разговаривать с родственниками.

Как соблюдать конфиденциальность.

Почему нельзя обсуждать работу за пределами института.
Как вести себя во время прощальных церемоний.
Он немного помолчал, обвел взглядом аудиторию и сказал:
— Через год никто из этих семей не вспомнит ваши слова. Но очень многие будут помнить, были вы рядом или просто ждали, когда все закончится.
Виктор записал эту фразу в тетрадь.
К обеду аудитория заметно оживилась.
Зак уже занял столик у окна и махнул рукой.
— Сюда.
Эмили поставила поднос рядом.
Зак посмотрел на еду.
— Если честно... ожидал чего-то хуже.
— Не сглазь, — сказала Эмили. — Это только первый день.
— Не порть мне настроение.
Виктор сел напротив.
— А я думал, первый день будет намного тяжелее.
— И я, — кивнул Зак, открывая банку колы. — Пока все выглядит... почти нормально.
— История мне понравилась, — сказала Эмили. — Я вообще не знала, что этой профессии столько лет.
Несколько секунд ели молча.
Потом Виктор посмотрел на нее.
— А почему ты вообще сюда поступила?
Эмили пожала плечами.
— После школы хотела стать косметологом. Потом случайно наткнулась на интервью с танатопрактиком. Даже не знала, что такая профессия существует. Почитала... и решила попробовать.
Она улыбнулась.
— Родители до сих пор думают, что это временное увлечение.
— А ты? — спросила она Виктора.
Он покрутил вилку в руке.
— Работу потерял.
— И решил сменить профессию?
— Скорее... подвернулась возможность.
Эмили уже открыла рот, чтобы спросить что-то еще, но Зак незаметно перевел разговор.
— Кстати, кто-нибудь понял, почему автомат с кофе принимает карту через раз?
Эмили сразу оживилась.
— Потому что он меня сегодня ненавидит.
Разговор быстро ушел в сторону.
Они обсуждали общежитие, города, из которых приехали, преподавателя истории, который, по мнению Зака, спокойно мог бы водить экскурсии по музеям, и спорили, действительно ли кофе в автомате стоит своих денег.
После обеда было еще две лекции.
Программа обучения.
Правила института.
Техника безопасности.
В конце дня каждому выдали расписание на ближайшую неделю и список литературы.
Когда занятия закончились, студенты неторопливо вышли на улицу.
Зак поправил рюкзак.
— Ну что, завтра?

— Конечно.

— В восемь возле кофейного автомата?

— Договорились.

Эмили подняла руку.

— Только не проспите.

— Постараемся.

Виктор вернулся в общежитие уже под вечер.

В коридоре кто-то собирал книжную полку. Из соседней комнаты доносилась музыка, а с общей кухни тянуло жареным беконом.

Он бросил рюкзак на стул, снял кроссовки и положил расписание на стол.

Еще раз посмотрел на завтрашние занятия.

Поставил будильник на без четверти семь.

За стеной кто-то громко засмеялся. В коридоре хлопнула дверь.

Виктор выключил свет.

Заснул он быстрее, чем ожидал.

Глава 9

На следующий день возле кофейного автомата было непривычно тихо.

Зак уже ждал с двумя бумажными стаканчиками.

— Держи.

— Спасибо.

— Не благодари. Аппарат снова решил, что я хочу две порции.

Виктор усмехнулся.

Эмили подошла последней. Волосы были собраны в высокий хвост, под мышкой — папка с тетрадями.

— Доброе утро.

— Доброе, — ответил Зак.

Она посмотрела сначала на одного, потом на другого.

— Сегодня ведь...

— Да, — кивнул Зак.

Эмили шумно выдохнула.

— Ладно.

Они молча направились к корпусу.

Первая лекция прошла спокойно.

Преподаватель рассказывал о санитарных требованиях, устройстве помещений и технике безопасности. Виктор записывал основные моменты, но время от времени поглядывал на часы.

Когда прозвенел звонок, профессор закрыл папку.

— Следующее занятие пройдет в учебном морге. Возьмите халаты и следуйте за мной.

По аудитории пробежал негромкий гул. Кто-то откашлялся, кто-то поспешно убрал ноутбук в рюкзак.

Зак поправил ремень рюкзака.

— Ну... вот и приехали.

Никто не ответил.

Они прошли через внутренний двор института, затем по длинному стеклянному переходу между корпусами.

За окнами рабочий стриг газон. На парковку медленно въехал белый фургон службы доставки. Из приоткрытого окна административного корпуса доносились голоса и телефонный звонок.

Все вокруг выглядело до странности обычным.

Преподаватель остановился у тяжелой металлической двери, приложил электронную карту.

Замок коротко щелкнул.

— Проходите.

Внутри оказалось прохладнее.

Воздух был сухим. Пахло дезинфицирующим средством, металлом и еще чем-то едва уловимым, незнакомым.

Помещение оказалось просторнее, чем представлял Виктор.

Белые стены.

Яркий ровный свет.

Столы из нержавеющей стали.

Большие раковины.

Шкафы с инструментами.

Все напоминало операционную.

Зак медленно огляделся.

— Совсем не так, как в кино...

В помещение вошел невысокий седой мужчина в светло-зеленом халате.

— Доброе утро. Меня зовут доктор Стивен Миллер. Большинство практических занятий вы будете проходить со мной.

Он спокойно оглядел аудиторию.

— Первое правило.

Студенты притихли.

— Здесь нет объектов. Нет «материала». Нет «экземпляров».

Он сделал короткую паузу.

— Здесь находятся люди, которых их семьи доверили нам в последний раз. Если вы не научитесь уважать их сейчас, дальше можете не продолжать обучение.

В помещении стало так тихо, что было слышно, как где-то гудит вентиляция.

Доктор подошел к одному из холодильных отсеков.

Взялся за ручку.

Металлический поддон плавно выдвинулся вперед.

На нем лежало тело, почти полностью накрытое белой простыней.

Доктор отвернул ткань только с лица.

Перед студентами оказался пожилой мужчина.

Закрытые глаза.

Седые волосы.

Спокойное лицо.

Будто он просто уснул.

Никто не произнес ни слова.

Где-то позади кто-то тяжело вдохнул.

Одна девушка опустила взгляд.

Парень у стены машинально засунул руки в карманы.

Эмили так крепко прижала к себе папку, что побелели пальцы.

Виктор смотрел на лицо.

Ничего страшного в нем не было.

Обычный пожилой человек.

Он невольно опустил взгляд ниже.

Из-под края простыни выглядывала ступня.

На большом пальце белела узкая пластиковая бирка.

Несколько строк мелкого черного текста.
Прозрачная застежка.
Когда поддон остановился, бирка еще немного покачивалась.
Именно она почему-то показалась Виктору самой тяжелой частью увиденного.
Он перевел взгляд обратно на лицо и больше вниз не смотрел.
— Сегодня вы ничего делать не будете, — сказал доктор Миллер.
— Только наблюдать.
Он рассказывал о порядке приема тела, документации и первичном осмотре перед началом работы.
Голос звучал ровно, без холодности, но и без показной торжественности.
Через несколько минут одна студентка подняла руку.
— Можно выйти?
— Конечно.
Она быстро вышла.
Через минуту за ней последовал еще один парень.
Доктор Миллер даже не проводил их взглядом и продолжил объяснение.
Иногда он приглашал студентов подойти ближе.
Показывал особенности кожи пожилого человека.
Обращал внимание на возрастные изменения.
Объяснял, почему все первоначальные особенности необходимо зафиксировать до начала работы.
Зак сделал шаг вперед.
Немного помедлив, Виктор тоже подошел.
Теперь он рассматривал внимательнее.
Редкие седые волосы.
Тонкую кожу на висках.
Аккуратно подстриженные ногти.
Небольшое пигментное пятно возле уха.
Перед ним снова был не "учебный материал", а человек, проживший долгую жизнь.
Когда занятие подошло к концу, доктор Миллер аккуратно накрыл лицо простыней.
Поправил край ткани.
Плаввно задвинул поддон обратно в холодильную камеру.
Металл негромко щелкнул.
— На сегодня всё.
Студенты один за другим вышли в коридор.
За дверью снова появились привычные звуки института.
Кто-то нервно усмехнулся.
Кто-то сказал:
— Мне бы сейчас на воздух.
Зак потер ладонями лицо.
— Теперь понимаю, почему некоторые уходят после первой недели.
Эмили молча смотрела в окно.
Виктор подошел к кулеру, налил воды и залпом выпил стакан.
Постоял еще несколько секунд.
Смял пустой стаканчик, выбросил его в урну и вместе с остальными направился к лестнице.

Глава 10

Недели складывались одна за другой.

Утренний кофе из автомата.

Лекции.

Практические занятия.

Толстые учебники с закладками между страниц.

Запах маркеров в аудиториях.

Белые халаты, которые уже перестали казаться чужими.

Виктор все реже ловил себя на том, что поглядывает на часы во время практики.

Первое напряжение ушло почти незаметно.

Доктор Миллер рассказывал о строении сосудистой системы, показывал инструменты, объяснял последовательность подготовки тела к бальзамированию. Иногда приглашал студентов подойти ближе, чтобы рассмотреть детали.

Одни отводили взгляд.

Другие смотрели только туда, куда указывал преподаватель.

Виктор постепенно замечал, что ему хочется видеть больше.

Не из любопытства.

Скорее из желания понять.

Почему разрез делают именно здесь.

Почему этот инструмент удобнее другого.

Почему доктор Миллер каждый раз перед уходом аккуратно поправляет простыню.

Он начал задавать вопросы.

Немного.

По делу.

Доктор отвечал спокойно, словно такие вопросы его только радовали.

В общежитии жизнь текла совсем иначе.

По вечерам в коридорах хлопали двери.

Из соседних комнат доносилась музыка.

Кто-то готовился к экзаменам.

Кто-то играл в приставку.

Кто-то жарил бекон на общей кухне, и запах расходился по всему этажу.

Однажды вечером кто-то снова забыл кастрюлю на плите, и по коридору ненадолго потянуло подгоревшим сыром. Через минуту раздался дружный смех и чей-то возмущенный возглас:

— Да выключил уже!

В пятницу после занятий Зак без стука заглянул в комнату Виктора.

— Собирайся.

Виктор поднял голову от учебника.

— Куда?

— Мы уже месяц учимся, а ты кроме библиотеки и столовой ничего не видел.

— И?

— И это уже начинает пугать.

Он усмехнулся.

— Эмили нас ждет.

Через полчаса они сидели в небольшом баре неподалеку от института.

Низкий потолок.

Темное дерево.

На стене без звука шел бейсбольный матч.

За соседними столиками сидели такие же студенты.

Кто-то громко смеялся.

Кто-то спорил о прошедшей игре.
Официант поставил на стол три бокала.
Зак сразу сделал большой глоток.
— Ну вот. Теперь неделя официально закончилась.
Эмили улыбнулась.
— Ты говоришь это каждую пятницу.
— Потому что каждая пятница этого заслуживает.
Она покачала головой.
— Не поспоришь.
Разговор сначала крутился вокруг преподавателей.
Кто слишком быстро читает лекции.
Кто любит устраивать внезапные опросы.
Кто способен превратить двухчасовое занятие в четыре — по ощущениям.
Потом Зак неожиданно спросил:
— Помните наш первый день в морге?
Эмили тихо усмехнулась.
— Еще бы.
— Я тогда почти решил, что это не мое.
— Я тоже.
Он покрутил бокал в руках.
— А сейчас...
Зак пожал плечами.
— Сейчас уже идешь туда как на обычную пару.
— Наверное, страшнее всего было в первый раз, — сказала Эмили.
— Не только поэтому, — возразил Зак. — Просто потом понимаешь, что это работа.

Очень непростая, но работа.

Он посмотрел на Виктора.
— А ты вообще будто сразу оказался на своем месте.
Виктор удивленно поднял глаза.
— С чего ты взял?
— Ты всегда подходишь ближе остальных.
Эмили кивнула.
— Это правда.
— И вопросов задаешь больше всех.
Виктор улыбнулся.
— Просто хочется разобраться.
Зак рассмеялся.
— Вот именно. Нам интересно дождаться конца занятия, а тебе интересно, почему Миллер сделал лишний шаг вправо.
— Не лишний, — машинально ответил Виктор.
Зак с Эмили переглянулись и одновременно рассмеялись.
— Видишь? — сказал Зак. — Я же говорю.
Эмили сделала небольшой глоток.
— А что тебе больше всего запомнилось?
Виктор не ответил сразу.
За окном прошел короткий дождь.
По стеклу медленно стекали тонкие дорожки воды.
— Наверное... аккуратность.
— В каком смысле?

— Я думал, все будет грубее.
Быстрее.
А оказалось наоборот.
Все очень спокойно.
Очень точно.
Он немного помолчал.
— Доктор Миллер ни разу не сделал ни одного лишнего движения.
Даже когда просто поправляет простыню.
Эмили задумчиво покрутила бокал.
— Никогда не обращала на это внимания.
— Я тоже, — признался Зак.
Он поднял бокал.
— За Миллера.
— За Миллера.
Виктор улыбнулся и тоже поднял свой бокал.
Когда они вышли из бара, уже стемнело.
Воздух стал прохладнее.
Фонари отражались в мокром асфальте.
Зак шел впереди и рассказывал очередную историю о преподавателе анатомии, который перепутал проекторы и десять минут пытался понять, почему не работает презентация.
Эмили смеялась.
Виктор шел чуть позади.
Он слушал их вполуха и вдруг поймал себя на мысли, что впервые за долгое время чувствует себя не гостем, а частью этой компании.
На следующий день после практики аудитория быстро опустела.
Студенты сняли халаты и разошлись.
На одном из столов остался учебный набор инструментов.
Виктор подошел ближе.
Осторожно взял в руки артериальный пинцет.
Холодный металл лег в ладонь.
Он медленно раскрыл бранши.
Снова сомкнул.
Провел большим пальцем по шарнирному соединению.
Несколько раз проверил, насколько плавно они двигаются.
Затем аккуратно положил инструмент на место.
Чуть поправил его, чтобы он лежал ровно, как прежде.
Несколько секунд смотрел на остальные инструменты.
Потом снял халат, выключил свет и вышел из аудитории.

Глава 11

Осень постепенно вступала в свои права.
По утрам над территорией института стелился легкий туман.
Деревья вдоль дорожек начали желтеть.
До выпускных экзаменов оставалось меньше трех месяцев.
Расписание становилось все плотнее.
Теперь практические занятия шли почти каждый день.
После вводных курсов начиналась настоящая работа.
Доктор Миллер все реже говорил о смерти.

Он говорил о людях.

— Семья должна увидеть человека таким, каким его помнит.

Он поставил на стол несколько небольших баночек.

— Все остальное — лишь инструменты.

На металлическом столе появились палитры с пигментами.

Небольшие шпатели.

Флаконы с реставрационным воском.

Тонкие кисти.

Аэрограф.

Бальзамирующие жидкости.

Доктор Миллер брал каждый предмет с привычной уверенностью — так повар берет нож, а художник кисть.

— Никогда не пытайтесь сделать человека красивее.

Он перевел взгляд на студентов.

— Ваша задача — вернуть его семье.

В аудитории стало тихо.

Практика усложнялась с каждой неделей.

Теперь студенты не просто наблюдали.

Каждый выполнял отдельные этапы подготовки под контролем преподавателя.

Зак постоянно боялся ошибиться.

Перед каждым новым заданием он невольно спрашивал:

— Так?

И только после кивка Миллера продолжал.

Эмили долго подбирала нужные оттенки косметики.

Иногда хмурилась, отходила на шаг, смотрела еще раз и снова начинала смешивать цвета.

Виктор никогда не спешил.

Сначала внимательно смотрел.

Потом действовал.

Каждое движение было спокойным и выверенным.

Доктор Миллер время от времени проходил мимо.

Останавливался.

Бросал короткий взгляд.

Иногда едва заметно кивал и шел дальше.

В общежитии жизнь тоже изменилась.

По вечерам Виктор почти перестал смотреть фильмы.

Ноутбук почти всегда был открыт.

На экране сменяли друг друга статьи.

Учебные пособия.

Видео профессиональных танатопрактиков.

Фотографии реставрационных работ.

Он делал заметки.

Сохранял схемы сосудов.

Записывал названия препаратов.

Сравнивал разные техники восстановления кожи после травм.

Рядом с ноутбуком лежал толстый блокнот.

Почти каждая страница была исписана аккуратным почерком.

Иногда дверь без стука приоткрывал Зак.

— Ты опять?

Не дожидаясь ответа, он заглядывал внутрь.

Виктор даже не отрывался от экрана.

— Еще минут десять.

Зак фыркал.

— Ты единственный человек, которого я знаю, кто после восьми часов занятий добровольно открывает учебник.

— Мне интересно.

— Это уже не интерес. Это диагноз.

Виктор только улыбался.

— Иди уже.

— Ладно. Но если однажды увижу, что ты читаешь учебник во сне, не удивлюсь.

Дверь закрывалась.

Через несколько секунд Зак снова просовывал голову в комнату.

— Кстати... если пойдешь за кофе, возьми и мне.

— Хорошо.

— Вот теперь все.

На этот раз он действительно уходил.

Через несколько недель доктор Миллер проводил очередную практику.

Студенты по очереди осматривали подготовленное тело.

— Что вы видите?

Несколько человек назвали возрастные изменения кожи.

Кто-то заметил послеоперационный рубец.

Зак обратил внимание на синяк возле ключицы.

Доктор кивнул.

— Хорошо.

Затем посмотрел на Виктора.

— А вы?

Виктор несколько секунд молчал.

Подожел ближе.

Наклонился.

— Здесь.

Он осторожно указал рукой, не касаясь кожи.

— Что именно?

— Левая сторона лица немного отличается.

Доктор сделал шаг вперед.

— Продолжайте.

— Скуловая область кажется чуть более напряженной.

Будто ткани совсем немного сместились.

Доктор внимательно посмотрел.

Потом уголки его губ едва заметно дрогнули.

— Очень хорошо.

Несколько студентов удивленно переглянулись.

Доктор повернулся к группе.

— Большинство людей этого не замечают.

Он взял небольшое зеркало.

Показал отражение под другим углом.

Теперь различие увидели все.

— Незначительная асимметрия появилась уже после смерти из-за положения головы.

Он снова посмотрел на Виктора.

— Хороший глаз.

После занятия доктор Миллер догнал его в коридоре.

— Виктор.

Тот остановился.

— Да?

— Вы раньше занимались живописью?

— Нет.

— Скульптурой?

— Нет.

— Дизайном?

— Тоже нет.

Доктор несколько секунд молчал.

— Тогда откуда такая наблюдательность?

Виктор пожал плечами.

— Не знаю.

Немного подумал и добавил:

— Наверное... просто стараюсь смотреть внимательно.

Доктор улыбнулся.

— Продолжайте.

Это редкое качество.

И оно гораздо ценнее, чем твердая рука.

После этого Виктор все чаще задерживался после практики.

Не потому, что не успевал.

Наоборот.

Обычно он заканчивал одним из первых.

Пока остальные переодевались и переговаривались в раздевалке, он подходил к столу с учебными материалами.

Рассматривал оттенки профессиональной косметики.

Пробовал смешивать пигменты на пластиковой палитре.

Проверял, как ведет себя реставрационный воск разной плотности.

Однажды доктор Миллер, проходя мимо, остановился рядом.

Виктор сравнивал два почти одинаковых оттенка тонального состава.

— Видите разницу?

Виктор кивнул.

— Этот немного теплее.

— Насколько?

— Примерно на полтона.

Доктор слегка улыбнулся.

— Этого иногда достаточно, чтобы родственники сказали: «Это снова он».

Несколько секунд он молча наблюдал за Виктором.

Потом поставил рядом еще одну палитру.

— Попробуйте подобрать оттенок самостоятельно.

Виктор осторожно взял шпатель.

Не торопясь, смешал два пигмента.

Добавил совсем немного охристого.

Затем крошечную каплю холодного розового.

Доктор посмотрел на результат.

Ничего не сказал.

Лишь едва заметно кивнул.

Для Виктора этого оказалось достаточно.

До выпускных экзаменов оставались считанные недели.
Большинство студентов повторяли материал, боясь не сдать.
Виктор занимался по другой причине.
Ему уже не хватало того, что давал институт.
Поздними вечерами свет в его комнате горел дольше, чем у соседей.
На экране ноутбука снова открывались статьи, фотографии и профессиональные руководства.

Иногда он замечал время только тогда, когда за окном становилось совсем тихо.
Закрывал ноутбук далеко за полночь.
А утром одним из первых приходил в учебный зал.

Глава 12

До выпускного экзамена оставалось два дня.
В коридорах института стало непривычно тихо.
Даже Зак почти перестал шутить.
В аудиториях повторяли материал.
Обсуждали препараты.
Перечитывали конспекты.
Записывали последние замечания преподавателей.
Доктор Миллер закрыл папку.
— Завтра утром каждый из вас получит экзаменационное задание.
Он обвел взглядом аудиторию.
— У вас будет двадцать четыре часа.
За это время необходимо полностью подготовить тело к прощанию.
Бальзамирование.
Косметическая подготовка.
При необходимости — реставрация.
Он ненадолго замолчал.
— Работать будете самостоятельно. Преподаватели вмешаются только в том случае, если будет нарушена техника безопасности.
Никто не заговорил.
Даже обычно неугомонный Зак сидел, опустив взгляд в тетрадь.
На следующее утро студентов по одному приглашали в учебный зал.
Доктор Миллер передал Виктору тонкую папку.
— Ваш случай.
Внутри лежали документы.
Несколько фотографий.
Виктор остановился на первой.
Мужчина около пятидесяти лет.
Дорожно-транспортное происшествие.
Левая половина лица сильно повреждена.
Разрушена скуловая область.
Частично отсутствовали мягкие ткани.
Он молча перевернул фотографию.
Потом следующую.
Еще одну.
Закрыв папку.
Доктор Миллер внимательно наблюдал за ним.

— Вопросы?
— Нет.
— Хорошо.
Работа продолжалась почти весь день.
В учебном зале стояла тишина.
Слышался только ровный шум вентиляции.
Иногда открывалась дверь.
Кто-то заходил за материалами.
Кто-то искал нужный оттенок пигмента.
Где-то тихо звякнул металлический инструмент.
Виктор почти перестал замечать время.
Перед тем как начать, он долго рассматривал фотографии.
Потом лицо.
Снова фотографии.
Он не пытался придумать нового человека.
Он искал того, кем этот человек был при жизни.
Сначала восстановил утраченный объем.
Работал небольшими участками.
Часто отходил на несколько шагов.
Смотрел.
Возвращался.
Исправлял.
Снова отходил.
Потом занялся оттенком кожи.
Несколько раз полностью снимал уже нанесенный слой.
Начинал сначала.
К вечеру свет за окнами начал гаснуть.
В учебном корпусе осталось всего несколько человек.
Доктор Миллер неторопливо обходил рабочие места.
Иногда задерживался.
Что-то тихо спрашивал.
Кому-то коротко советовал.
До Виктора дошел последним.
Несколько минут молча рассматривал работу.
Потом спросил:
— Вы уверены, что этот оттенок подойдет?
Виктор поднял голову.
— Нет.
Он перевел взгляд на лицо.
— Поэтому я еще не закончил.
Доктор едва заметно улыбнулся.
— Хорошо.
И пошел дальше.
Домой Виктор вернулся далеко за полночь.
Утром пришел одним из первых.
В учебном зале еще почти никого не было.
Он долго стоял возле стола.
Поправил воротник рубашки.
Разгладил небольшую складку на рукаве.

Отступил на шаг.
Еще раз внимательно посмотрел.
Руки остались неподвижны.
Больше он ничего менять не стал.
К десяти утра в зал вошла экзаменационная комиссия.
Трое преподавателей института.
Директор программы.
Два приглашенных специалиста из похоронных домов Коннектикута.
На каждом столе лежали фотографии состояния тела до начала работы.
Комиссия медленно переходила от одного студента к другому.
Иногда задавала вопросы.
Иногда делала пометки.
Когда они остановились возле рабочего места Виктора, один из преподавателей поднял первую фотографию.
Несколько секунд смотрел на снимок.
Потом перевел взгляд на лицо.
Снова на фотографию.
Он слегка нахмурился.
— Простите...
Открыл папку еще раз.
— Это действительно один и тот же случай?
Доктор Миллер спокойно ответил:
— Да.
Один из приглашенных специалистов подошел ближе.
Долго рассматривал восстановленную левую сторону лица.
Потом протянул руку.
— Можно фотографии еще раз?
Ему молча передали снимки.
Он сравнивал их почти минуту.
Потом посмотрел на Виктора.
— Расскажите, каким способом вы восстановили скуловую область.
Виктор спокойно объяснил последовательность работы.
Коротко.
Поэтапно.
Без лишних подробностей.
Комиссия слушала молча.
Когда он закончил, один из профессоров задумчиво провел ладонью по подбородку.
— Обычно выпускники стараются скрыть повреждение косметикой.
Он еще раз посмотрел на фотографии.
— Вы восстановили форму лица.
Почему?
Виктор перевел взгляд на мужчину, лежавшего перед ним.
— Потому что косметика не меняет форму.
Несколько секунд никто ничего не говорил.
Потом профессор медленно кивнул.
Приглашенный специалист продолжал смотреть на лицо.
— Самое удивительное...
Он снова поднял фотографию.
— Вы не сделали человека красивее.

Он сделал небольшую паузу.
— Вы сделали его узнаваемым.
Доктор Миллер впервые за все время экзамена позволил себе улыбнуться.
— Именно этому мы здесь и учим.
Повисла тишина.
Директор программы закрыл папку.
— Прекрасная работа.
Он посмотрел на Виктора поверх очков.
— Очень зрелая.
Для выпускника — редкий уровень.
Комиссия двинулась дальше.
Доктор Миллер задержался возле Виктора всего на секунду.
Тихо сказал:
— Я не ошибся.
И вышел вслед за остальными.

Глава 13

Утро началось непривычно спокойно.
На парковке института уже стояли машины преподавателей и гостей.
У главного входа небольшими группами разговаривали выпускники.
Большинство были в строгих костюмах.
Кто-то приехал один.
Кто-то — с супругой.
Кто-то торопливо допивал кофе из бумажного стаканчика.
Еще вчера они были студентами.
Сегодня должны были получить профессиональную лицензию.
Зак в который раз поправил галстук и посмотрел на часы.
— Никогда не думал, что буду так нервничать из-за какого-то листа бумаги.
Эмили улыбнулась.
— Это не лист бумаги.
— Знаю. Это билет на работу.
Она перевела взгляд на Виктора.
— А ты совсем не волнуешься?
— Волнуюсь.
— По тебе не видно.
Виктор пожал плечами.
— Просто не умею это показывать.
Зак тихо хмыкнул.
— Вот за это ты меня иногда раздражаешь.
Эмили рассмеялась.
— Завидуешь.
— Конечно. У меня сейчас сердце из груди выпрыгнет.
Они переглянулись и вошли в здание.
Церемония проходила в конференц-зале института.
Без сцены.
Без музыки.
Без лишней торжественности.
В первом ряду сидели преподаватели.

За длинным столом — директор программы, доктор Миллер и несколько приглашенных специалистов.

На экране за их спинами светился логотип New England Institute of Thanatopraxy.

В зале собралось около тридцати человек.

Все — выпускники этого набора.

Люди разного возраста.

Кому-то едва исполнилось двадцать пять.

Кому-то было далеко за сорок.

Кто-то раньше работал санитаром.

Кто-то служил в армии.

Кто-то пришел из ритуальной сферы, чтобы получить официальную лицензию и расширить свои профессиональные возможности.

У каждого за плечами уже была своя история.

Сегодня начиналась следующая глава.

Директор института поднялся из-за стола.

— Доброе утро.

Спасибо, что выбрали профессию, которую большинство людей предпочитает не замечать.

Он оглядел зал.

— За последние месяцы вы изучали не только техники бальзамирования и реставрации.

Вы учились сохранять достоинство человека в его последний путь.

Именно это отличает ремесло от профессии.

Он сделал короткую паузу.

— От имени института поздравляю вас с успешным окончанием программы.

Вручение лицензий проходило спокойно.

По одному выпускники подходили к столу.

Получали документы.

Пожимали руки преподавателям.

Возвращались на свои места.

Без аплодисментов после каждого имени.

Без вспышек фотокамер.

Только негромкие поздравления и крепкие рукопожатия.

Когда назвали Виктора Берна, доктор Миллер протянул ему лицензию.

— Поздравляю.

— Спасибо.

На мгновение их взгляды встретились.

Миллер едва заметно кивнул и отпустил документ.

Когда последний выпускник занял свое место, директор снова поднялся.

— По традиции на церемонии вручения лицензий присутствуют руководители похоронных домов Новой Англии.

Многие из них принимают наших выпускников на работу уже много лет.

Он посмотрел в первый ряд.

— Сегодня среди гостей находится человек, которого не нужно представлять тем, кто работает в нашей профессии.

Мистер Ричард Хадсон.

Владелец Newport Memorial House.

По залу пробежал едва заметный шепот.

Зак наклонился к Виктору.

— Ничего себе...

Даже Эмили выглядела удивленной.
Ричард Хадсон поднялся.
Высокий мужчина с прямой осанкой.
Седина уже заметно тронула волосы, но держался он так, что возраст отходил на второй план.

Он не спешил начинать.
Несколько секунд просто смотрел на зал.
— Я редко приезжаю на подобные церемонии.
Еще реже предлагаю работу выпускникам.
Поэтому говорить долго не буду.
Он положил ладони на край стола.
— За последние два дня мне показали ваши выпускные практические работы.
Некоторые произвели на меня очень хорошее впечатление.
Он сделал небольшую паузу.
— Хорошего танатопрактика отличают не скорость и не количество выполненных процедур.

Его отличает уважение.
Уважение к человеку, которого он больше никогда не увидит живым.
В зале стояла полная тишина.
— Поэтому сегодня я хочу предложить нескольким выпускникам работу в Newport Memorial House.

Он открыл тонкую папку.
Первой прозвучала фамилия Эмили.
Она растерянно посмотрела по сторонам, словно не сразу поверила, что услышала свое имя.

Поднялась.
Пожала руку Хадсону.
Получила конверт.
Следующим был Зак.
Он нервно усмехнулся.
— Кажется, сегодняшний день становится все интереснее...
По залу прокатился тихий смех.
Зак тоже получил конверт.
Хадсон перевернул еще одну страницу.
На секунду задержался.
— Виктор Берн.
Виктор поднялся.
Подошел к столу.
Хадсон некоторое время молчал.
Затем достал последний конверт.
Но протягивать его не спешил.
— Доктор Миллер попросил меня обратить особое внимание на одну выпускную работу.
Я согласился.
Не потому, что привык доверять чужому мнению.
Потому что привык доверять мнению доктора Миллера.
Он посмотрел на Виктора.
— После того как я увидел фотографии до и после реставрации, понял почему.
В зале снова стало тихо.
— Вы не пытались показать свое мастерство.

Вы пытались вернуть человека его семье.
Это гораздо важнее.
Он протянул конверт.
— Если примете предложение, двери Newport Memorial House будут для вас открыты.
— Благодарю.
Виктор пожал ему руку.
Хадсон неожиданно задержал рукопожатие чуть дольше обычного.
И тихо сказал так, чтобы слышал только Виктор:
— Запомните одну вещь.
Мы не работаем со смертью.
Мы работаем с памятью живых.
Если однажды перестанете чувствовать разницу — уходите из этой профессии.
Он отпустил его руку.
Когда официальная часть закончилась, сотрудники института открыли двери соседнего зала.
На длинных столах уже стояли кофейники.
Чай.
Минеральная вода.
Небольшие закуски.
Люди собирались небольшими компаниями.
Обменивались визитными карточками.
Обсуждали вакансии.
Договаривались о собеседованиях.
Все это больше напоминало профессиональную конференцию, чем выпускной.
Зак подошел к Виктору с чашкой кофе.
— Ты вообще понимаешь, что сейчас произошло?
— Да.
Зак покачал головой.
— Нет. Не понимаешь.
Он улыбнулся.
— Newport Memorial House почти никогда не берет людей сразу после получения лицензии.
Вообще.
Эмили кивнула.
— Мне рассказывали, что туда обычно попадают после пяти-шести лет практики.
Зак посмотрел на конверт в руках Виктора.
— Похоже, доктор Миллер действительно увидел в тебе что-то особенное.
Виктор ничего не ответил.
Он посмотрел через зал.
Доктор Миллер разговаривал с Хадсоном.
Почувствовав взгляд, Миллер поднял глаза и едва заметно кивнул своему бывшему ученику.
Без улыбки.
Без громких слов.
В этом коротком жесте не было ни прощания, ни напутствия.
Скорее спокойная уверенность человека, который сделал все, что мог.
Дальше Виктору предстояло идти самому.

Глава 14

Комната общежития снова стала такой же, какой была в день его приезда.

Почти пустой.

На кровати лежал застегнутый чемодан.

Рядом стояла коробка с книгами.

На письменном столе остались только кружка, из которой Виктор пил кофе все эти месяцы, и ключ от комнаты.

Он медленно оглядел помещение.

За этим столом он готовился к экзаменам.

На этой кровати засыпал далеко за полночь после практических занятий.

Из этого окна впервые увидел осенний снег Коннектикута.

Теперь все это оставалось позади.

Он снял со стены пропуск института, на секунду задержал его в руке, потом положил в верхний ящик стола и тихо задвинул его.

В дверь постучали.

Не дожидаясь ответа, в комнату заглянул Зак.

В одной руке он держал дорожную сумку, в другой — бумажный стаканчик с кофе.

— Почти готов?

— Да.

Зак обвел взглядом пустую комнату.

— Даже странно.

— Что именно?

— Вроде будем работать в одной компании...

Он усмехнулся.

— ...а жить в разных городах.

Следом вошла Эмили.

Поставила небольшой чемодан у двери.

— Зато будем видеться.

Зак недоверчиво посмотрел на нее.

— Правда?

— Конечно. У Хадсона несколько похоронных домов по всему Род-Айленду. Для новых сотрудников постоянно проводят обучение и аттестации.

Она улыбнулась Виктору.

— Просто тебе повезло чуть больше остальных.

Зак рассмеялся.

— Не "чуть".

Он сразу попал в Newport Memorial House.

Главный филиал.

Эмили кивнула.

— Обычно туда переводят только после нескольких лет работы.

Зак покачал головой.

— А тебя взяли сразу после получения лицензии.

Виктор застегнул чемодан.

— Это большая ответственность.

— Именно.

Зак ткнул его кулаком в плечо.

— Так что не зазнавайся.

Эмили рассмеялась.

— Если окажешься в Уорике — заходи.

— А если будешь проезжать через Провиденс, кофе за мной, — добавил Зак.
Виктор улыбнулся.
— Договорились.
Зак протянул руку.
— Ну что...
Теперь мы действительно коллеги.
Они крепко пожали друг другу руки.
Потом Эмили неожиданно шагнула вперед и обняла Виктора.
— Удачи.
— Спасибо.
Зак посмотрел на них и театрально вздохнул.
— Ну все, теперь и мне придется.
Он быстро обнял Виктора за плечи и тут же отступил.
— Только никому не рассказывай.
Все трое рассмеялись.
Через час машина уже ехала по трассе I-95.
Дорога уходила на северо-восток.
Позади постепенно исчезали знакомые корпуса института.
Небольшие городки.
Автозаправки.
Леса, окрашенные осенью в медные и золотистые оттенки.
Виктор впервые ехал не на учебу.
Не на собеседование.
Он ехал домой.
Ньюпорт встретил его запахом океана.
Воздух здесь был другим.
Прохладнее.
Соленее.
Даже не открывая окно полностью, можно было почувствовать легкий морской ветер.
Город казался спокойным.
Небольшие кирпичные здания сменялись аккуратными деревянными домами с белыми верандами.
На улицах почти не было суеты.
Возле кофейен за столиками сидели люди.
В гавани медленно покачивались яхты.
Над водой кружили чайки.
Казалось, сам город никуда не торопился.
Дом оказался именно таким, каким выглядел на фотографиях.
Небольшой одноэтажный коттедж в тихом жилом квартале, примерно в десяти минутах езды от работы.
Белый деревянный фасад.
Темно-серая крыша.
Небольшая веранда.
Во дворе рос старый клен.
Внутри было всего несколько комнат.
Гостиная.
Компактная кухня.
Спальня.
И маленький кабинет с окном во двор.

Виктор поставил чемодан у стены.
Медленно прошелся по дому.
Пустые комнаты отзывались легким эхом.
Он открыл окно.
Вместе с прохладным воздухом в дом вошел шелест листвы.
Первым делом на кухонную столешницу встал кофейник.
Через несколько минут Виктор уже стоял у окна с горячей кружкой в руках.
Дом был почти пустым.
Но впервые за долгое время он чувствовал себя дома.
На следующее утро Виктор приехал в Newport Memorial House.
Здание возвышалось среди старых деревьев немного в стороне от центральной улицы.
Светлый фасад.
Высокие колонны.
Широкие ступени.
Никаких ярких вывесок.
Только бронзовая табличка у входа.
Newport Memorial House.
Все выглядело сдержанно.
Спокойно.
Достойно.
Он поднялся по лестнице.
В просторном холле пахло свежим деревом, кофе и едва уловимым ароматом белых лилий.
Темная мебель.
Теплый мягкий свет.
Большие окна.
Все здесь больше напоминало уютный особняк, чем учреждение.
Администратор приветливо улыбнулась.
— Доброе утро, мистер Берн.
Мистер Хадсон уже ждет вас.
Кабинет владельца был оформлен так же сдержанно.
Без показной роскоши.
Темное дерево.
Книжные шкафы.
Несколько старых фотографий Ньюпорта.
Большие окна с видом на сад.
Хадсон поднялся ему навстречу.
— Добро пожаловать.
Рад, что вы приняли предложение.
Они подписали трудовой контракт.
Хадсон внимательно просмотрел документы.
Поставил подпись.
Закрыв папку.
— Теперь вы официальный сотрудник Hudson Memorial Services.
Он слегка улыбнулся.
— Но работать будете здесь.
В нашем главном доме.
После оформления документов Хадсон лично провел Виктора по зданию.
Без спешки показывал комнаты прощания.

Семейные гостиные.
Небольшую часовню.
Зал для поминальных встреч.
Каждая деталь была тщательно продумана.
Мягкое освещение.
Приглушенные цвета.
Тишина.
Даже шаги здесь звучали иначе.
В конце коридора Хадсон остановился возле двери с электронным замком.
Приложил карту.
Дверь тихо открылась.
— Здесь работают наши танатопрактики.
Виктор переступил порог.
И невольно замер.
Помещение оказалось значительно просторнее лаборатории института.
Все оборудование было современным.
Бальзамировочная станция.
Регулируемые столы.
Профессиональные лампы с естественной цветопередачей.
Шкафы с реставрационными материалами.
Отдельные секции для восков.
Пигментов.
Аэрографов.
Косметических составов.
Инструменты были разложены с такой точностью, словно каждый много лет лежал на одном и том же месте.
Ничего лишнего.
Даже этикетки на контейнерах выглядели одинаково.
Виктор медленно прошел вдоль рабочего стола.
Не прикасаясь.
Только рассматривая.
Хадсон наблюдал за ним.
— Нравится?
— Очень.
Ответ прозвучал сразу.
Хадсон улыбнулся.
— Когда-то я испытал то же самое.
Он подошел к одному из шкафов и легко провел ладонью по дверце.
— Хороший специалист может работать почти в любых условиях.
Но настоящий мастер всегда начинает с уважения к своему рабочему месту.
Виктор еще раз обвел взглядом лабораторию.
Перед ним было не просто современное оборудование.
Это было место, где каждая деталь существовала ради одной цели — сделать свою работу настолько хорошо, насколько это возможно.
Вечером он возвращался домой пешком.
Солнце медленно опускалось за крыши домов.
Со стороны гавани тянул прохладный ветер.
В ресторанах зажигались огни.
Из небольшой пекарни пахло свежим хлебом.

На перекрестке двое детей смеялись, катаясь на велосипедах.
Возле книжного магазина пожилой мужчина выставлял на витрину новые книги.
Ньюпорт жил спокойно.
Без суеты.
Без постоянного городского шума.
По дороге Виктор зашел в небольшой продуктовый магазин.
Купил хлеб.
Кофе.
Молоко.
Несколько самых простых продуктов.
Вернувшись домой, поставил пакет на кухонный стол.
Повесил ключи на крючок у двери.
Рядом положил пропуск сотрудника.
Снял пиджак.
На кухне уже закипал чайник.
Он открыл окно.
В комнату снова вошел прохладный воздух с запахом океана.
Поставил кружку на подоконник и долго смотрел, как последние лучи солнца медленно уходят с кроны старого клена.
Будильник уже был заведен на шесть тридцать.

Глава 15

Будильник прозвенел ровно в шесть тридцать.
Виктор открыл глаза почти сразу, словно организм уже успел принять новый распорядок. Несколько секунд он лежал неподвижно, прислушиваясь к непривычной тишине дома.
За стеной больше не хлопали двери общежития, не раздавались шаги студентов, не доносились приглушенные разговоры из коридора. Вместо этого за приоткрытым окном шелестели листья старого клена, а со стороны гавани едва слышно тянулся крик чаек.
Свет только начинал просачиваться сквозь занавески, постепенно вытесняя из комнаты ночную синеву.
Виктор сел на кровати, расправил покрывало ладонью и тщательно застелил постель. Поправил угол одеяла, чтобы ни одна складка не выступала за край матраса, затем открыл шкаф.
Белая рубашка висела отдельно от остальных вещей, выглаженная еще вечером. Рядом лежал темно-синий галстук, аккуратно свернутый в рулон. Новый костюм все еще пах свежей тканью — его еще не коснулись ни городской воздух, ни дождь, ни обычная повседневная жизнь.
На кухне негромко зашумела кофеварка.
Пока темная струя медленно наполняла кружку, Виктор стоял у окна, положив ладонь на прохладную деревянную раму. На противоположной стороне улицы пожилой сосед поливал цветы на крыльце. Закончив, он поставил лейку у ступенек, заметил Виктора и коротко кивнул.
Виктор ответил тем же.
Допив кофе, он поставил кружку в раковину, взял ключи и, прежде чем выйти, машинально коснулся внутреннего кармана пиджака, проверяя, на месте ли пропуск сотрудника Newport Memorial House.
До работы было меньше пятнадцати минут.
Ньюпорт только просыпался.

Небольшие кофейни открывали двери. Владельцы цветочных магазинов выставляли на улицу деревянные стойки с букетами. По тротуарам неторопливо шли люди с бумажными стаканчиками кофе. Над гаванью еще лежала легкая дымка, сквозь которую проступали силуэты яхт.

Похоронный дом появился за поворотом неожиданно, естественно, словно всегда был частью этого города.

Светлый фасад, широкие гранитные ступени, высокие колонны и идеально подстриженные кусты выглядели одинаково уместно и ранним утром, и, наверное, поздним вечером.

На парковке уже стояли несколько автомобилей.

Из служебного входа вышел мужчина в темном костюме с коробкой белых лилий, придерживая дверь плечом. Следом появилась молодая женщина с папкой документов.

Никто не спешил.

Никто не повышал голос.

Даже утренняя суета здесь будто подчинялась собственному ритму.

Едва Виктор переступил порог, женщина с короткими серебристыми волосами поднялась из-за стойки администратора, обошла ее и протянула руку.

— Доброе утро. Вы, должно быть, мистер Берн. Меня зовут Эвелин Паркер. Добро пожаловать.

Ее рукопожатие оказалось теплым.

— Надеюсь, вы уже успели немного освоиться в городе?

— Да. Я снял дом неподалеку. Дорога занимает всего несколько минут.

Эвелин кивнула.

— Это хорошо. Здесь рабочие дни редко заканчиваются строго по расписанию. Чем ближе живешь, тем спокойнее возвращаться домой.

Она улыбнулась чуть заметнее.

— Пойдемте. Познакомлю вас с коллегами.

Они неспешно шли по коридорам, где пахло свежим деревом, кофе и едва уловимым ароматом цветов.

На стенах висели старые фотографии Ньюпорта начала прошлого века, акварели с морскими пейзажами и черно-белые снимки самого здания, сделанные десятилетия назад.

Эвелин здоровалась почти с каждым встречным по имени, спрашивала, как прошли выходные, напоминала о времени церемонии или благодарила за подготовленные документы.

Было видно, что этот дом она знает почти наизусть.

Возле кабинета управляющего она негромко постучала и, не дожидаясь ответа, приоткрыла дверь.

Из-за письменного стола поднялся высокий мужчина лет пятидесяти с серебром на висках.

Он уверенно пожал Виктору руку.

— Джеймс О'Коннор. Управляющий Newport Memorial House. Рад познакомиться.

Кабинет выглядел просто.

Несколько книжных шкафов.

Большой рабочий стол.

Карта Род-Айленда.

Фотографии сотрудников разных лет.

Дипломы профессиональных ассоциаций.

Ничего лишнего.

— Мистер Хадсон редко ошибается в людях, — сказал Джеймс, закрывая папку с документами. — Он сообщил, что вы один из лучших выпускников института. Здесь это не дает привилегий. Но создает ожидания. Все остальное зависит только от вашей ежедневной работы.

Виктор молча кивнул.

— Томас уже ждет вас в лаборатории.

Томас Рид оказался именно таким человеком, каким Виктор его себе и представлял.

Высокий, широкоплечий, лет пятидесяти пяти, с короткими русыми волосами, почти полностью тронутыми сединой.

Он производил впечатление человека, который не делает ни одного лишнего движения.

Даже снимая латексные перчатки после стерилизации инструментов, двигался спокойно и уверенно, словно повторял эти действия тысячи раз.

На металлическом столе ровными рядами лежали пинцеты, ножницы, иглодержатели, скальпели, артериальные канюли, изогнутые иглы и тонкие кисти для косметической работы.

Каждый инструмент находился точно на своем месте.

Даже стерильные салфетки были сложены одинаковыми прямоугольниками.

Томас подошел и протянул руку.

— Виктор Берн?

— Да.

— Рад познакомиться. Некоторое время будем работать вместе. Институт дает профессию. Работать по-настоящему обычно учишься уже здесь.

Он не стал произносить длинную приветственную речь.

Лишь кивнул:

— Пойдемте.

Они прошли через лабораторию и оказались в широком коридоре.

Темное дерево поднималось по стенам почти до потолка. Между старинными фотографиями Ньюпорта висели несколько спокойных пейзажей побережья Род-Айленда.

Освещение было устроено так, что ни один источник света не бросался в глаза. Казалось, мягкий свет рождается прямо из стен, заполняя пространство без резких теней.

Томас остановился перед высокими двустворчатыми дверями из темного дуба.

Положил ладонь на ручку.

— Многие думают, что главное место в нашем доме — лаборатория.

Он посмотрел на Виктора.

— На самом деле лаборатория — всего лишь мастерская.

Короткая пауза.

— Самое важное находится здесь.

Он открыл двери.

Виктор сделал шаг вперед.

И остановился.

Зал прощания поражал не размерами.

Он поражал ощущением пространства.

Высокий потолок уходил вверх двумя плавными сводами. Между ними располагались длинные окна почти во всю высоту стены. Сквозь легкие шторы утренний свет проникал внутрь мягкими потоками, ложился на темный дубовый пол и отражался в матовом блеске деревянных панелей.

По обе стороны широкого прохода ровными рядами стояли кресла с высокими деревянными спинками, обитые светлой тканью. Между ними оставалось достаточно места, чтобы человек мог идти спокойно, не чувствуя тесноты даже во время многолюдной церемонии.

В глубине зала, на невысоком возвышении, стоял катафалк из американского ореха, отполированный до глубокого шелковистого блеска.

За ним поднималась стена из светлого мрамора с тонкой резьбой в виде ветвей старого дуба.

Они свободно расходились вверх, не превращаясь ни в религиозный символ, ни в декоративное украшение.

По обе стороны возвышения стояли высокие композиции из белых лилий, кремовых роз и ветвей эвкалипта.

Их тонкий аромат почти растворялся в запахе дерева и свежего воздуха.

Ничто здесь не стремилось привлечь к себе внимание.

Каждая деталь словно знала свое место.

Томас молчал.

Он не спешил что-либо объяснять, позволяя Виктору самому осмотреть зал.

Тишину нарушало лишь размеренное тиканье старых настенных часов.

Наконец Томас заговорил:

— Когда архитектор принес мистеру Хадсону первый проект этого зала, здесь должно было быть гораздо больше декоративных элементов. Колонны. Лепнина. Тяжелые люстры. Витражи.

Он медленно провел взглядом по залу.

— Хадсон попросил убрать почти все.

Небольшая пауза.

— Он сказал одну вещь, которую я запомнил на всю жизнь.

Томас посмотрел на Виктора.

— «Если люди после церемонии будут помнить красоту нашего здания, значит, мы построили его неправильно. Они должны помнить лицо человека, с которым пришли проститься».

Виктор перевел взгляд на пустой катафалк.

Даже без гроба возвышение не казалось пустым.

В этом зале не было ни холодной торжественности, ни больничной стерильности.

Было только спокойствие.

Такое, что собственное дыхание невольно становилось тише.

Томас сделал несколько шагов вперед и остановился возле первого ряда кресел.

Ладонь скользнула по гладкой деревянной спинке.

— Люди редко замечают такие вещи, — сказал он. — Но всегда их чувствуют. Высоту потолка. Свет. Расстояние между креслами. Даже то, как звучат собственные шаги.

Он слегка улыбнулся.

— В такой день человек может не вспомнить, какого цвета были стены. Но если пространство устроено правильно, ему становится немного легче дышать.

Виктор молча слушал.

— Мы занимаемся не смертью, — тихо продолжил Томас. — Мы занимаемся последней памятью живых. Все, что происходит в лаборатории, существует ради нескольких минут здесь.

Он замолчал.

Они еще долго стояли в тишине.

За высокими окнами едва слышно шелестели листья.

Старые часы размеренно отсчитывали секунды.

Казалось, даже время в этом зале двигалось иначе.

Наконец Томас повернулся к выходу.

— На сегодня хватит.

Виктор еще раз оглядел зал.

Свет по-прежнему спокойно ложился на темный пол, кресла и пустой катафалк.

Он вдруг понял, что здесь нет ничего случайного.

Ни одной линии.

Ни одного предмета.

Все существовало только для того, чтобы в самый тяжелый день жизни человек мог думать не об этом помещении, а о том, с кем пришел проститься.

Томас уже открыл дверь.

— Идем.

Они вышли в коридор.

Двери бесшумно закрылись за их спинами, словно зал снова остался наедине с самим собой.

После приглушенного света внутри коридор показался чуть ярче.

По своим делам уже спешили сотрудники.

Молодой мужчина в темном костюме нес папку с документами в кабинет семейного консультанта.

Сотрудница флористической службы осторожно катила тележку со свежими белыми гор-тензиями.

У дальней стены двое рабочих почти беззвучно меняли большую цветочную композицию, убирая увядшие цветы.

Все двигались спокойно, без суеты.

Каждый точно знал свою работу.

Томас остановился возле лаборатории.

— Завтра начнем знакомиться с ней ближе.

Он открыл дверь.

— А сегодня достаточно того, что ты увидел самое главное.

Виктор кивнул.

Прежде чем войти, он еще раз обернулся.

Высокие дубовые двери прощального зала стояли закрытыми.

За ними царил та самая тишина, которую невозможно было спутать ни с какой другой.

Завтра этот зал уже не будет пустым.

Глава 16

На следующее утро Виктор пришел на работу немного раньше.

В лаборатории еще никого не было.

За широким окном медленно светало. Лучи восходящего солнца скользили по металлическим поверхностям столов, стеклянным шкафам и аккуратно разложенным инструментам. В помещении пахло дезинфицирующими средствами и чем-то едва уловимым, напоминавшим чистое белье после прачечной.

Виктор остановился у входа.

Вчера он впервые увидел прощальный зал.

Сегодня ему предстояло увидеть то, что оставалось скрытым от глаз посетителей.

Через несколько минут дверь открылась.

Вошел Томас.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

Томас поставил на стол кружку кофе, повесил пиджак на вешалку и привычным движением надел рабочий халат.

— Готов?

— Думаю, да.

Томас усмехнулся.

— Все так отвечают.

Он подошел к металлическому шкафу, достал тонкую папку и положил ее перед Виктором.

— Тогда запомни первое правило.

Виктор приготовился слушать.

— Никогда не начинай с человека.

Он слегка постучал пальцем по папке.

— Начинай с документов.

Виктор вопросительно посмотрел на него.

— Большинство студентов думают, что наша работа начинается здесь, — Томас кивнул в сторону секционной комнаты. — Нет. Она начинается гораздо раньше.

Он открыл папку.

На первой странице находились стандартные сведения: имя, возраст, дата рождения, дата смерти.

Ниже — медицинское заключение.

Еще ниже — пожелания семьи.

Томас перевернул страницу.

— Вот это — самая важная часть.

Виктор внимательно прочитал.

"Просим оставить обручальное кольцо."

"Обязательно надеть любимые часы."

"Просьба не сбривать небольшую седую прядь над правым виском."

"Использовать темно-синий костюм, который находится в похоронном доме."

Ниже рукой родственников была сделана короткая приписка:

"Он всегда улыбался только одним уголком губ. Если получится сохранить это выражение лица, мы будем благодарны."

Виктор медленно поднял глаза.

Томас спокойно наблюдал за ним.

— Теперь понимаешь?

Виктор кивнул.

— Здесь написано, каким человеком его хотят запомнить.

— Именно.

Томас закрыл папку.

— Медицинские данные рассказывают нам, как умер человек. Родные рассказывают, как он жил.

Он сделал короткую паузу.

— Если забыть о второй части, можно выполнить работу идеально с технической точки зрения... и полностью проиграть человечески.

В этот момент дверь открылась.

В лабораторию вошла молодая женщина лет тридцати с темными волосами, собранными в аккуратный пучок.

В руках она держала еще одну папку.

— Доброе утро, Томас.

— Доброе утро, Оливия.

Она улыбнулась Виктору.

— Значит, это наш новый специалист?

— Да. Виктор Берн.

— Очень приятно познакомиться.

Оливия протянула руку.

— Оливия Картер. Я работаю с семьями.

Ее рукопожатие было легким, но уверенным.
Она положила папку на стол.
— Родные уже уехали. Все документы подписаны.
Томас открыл папку.
— Что-нибудь особенное?
Оливия на секунду задумалась.
— Дочь долго говорила о часах.
Она перевела взгляд на Виктора.
— Обычные наручные часы. Старые. Почти потертые.
Но сказала одну фразу, которую я записала дословно.
Томас молча ждал.
— «Папа никогда не снимал их. Даже дома. Даже ночью. Если сможете, пожалуйста, оставьте их на нем.»
Несколько секунд никто ничего не говорил.
Оливия тихо добавила:
— Иногда люди приносят дорогие украшения, медали или фамильные драгоценности.
Она покачала головой.
— А иногда самое ценное — это старые часы стоимостью в несколько десятков долларов.
Томас закрыл папку.
— Спасибо.
Когда дверь за Оливией закрылась, он посмотрел на Виктора.
— Еще один урок.
Он слегка постучал пальцем по папке.
— Никогда не оценивай вещи по их цене.
Виктор молча слушал.
— Для семьи эти часы могут стоить больше, чем весь остальной гардероб человека.
Он сделал небольшую паузу.
— Запоминай такие детали. Именно они делают нашу работу настоящей.
Томас посмотрел на настенные часы.
— Пора.
Он направился к двери, ведущей в помещение подготовки.
— Сегодня ты увидишь весь процесс от начала до конца.
Виктор глубоко вдохнул и пошел следом.
Дверь в помещение подготовки открылась бесшумно.
Комната оказалась просторнее, чем Виктор представлял.
Белые стены.
Матовый свет потолочных панелей.
Шкафы из нержавеющей стали.
Несколько рабочих столов.
Аппаратура, которую он изучал в институте, теперь выглядела иначе — не как учебные экспонаты, а как инструменты, от которых зависело качество последнего прощания человека.
Все было безупречно чисто.
Не стерильно до безликости, а именно чисто.
Так бывает в мастерской человека, который уважает свое ремесло.
В центре помещения стояла каталка.
На ней под белой простыней покоился пожилой мужчина.
Томас остановился.
— Джордж Эллис. Семьдесят восемь лет.
Он не стал сразу откидывать простыню.

Сначала еще раз открыл папку.
— Сердечная недостаточность. Смерть естественная. Противопоказаний к подготовке нет.
Он протянул документы Виктору.
— Проверь сам.
Виктор внимательно просмотрел заключение, медицинскую справку и разрешение семьи. Все было оформлено безупречно.
Только после этого Томас аккуратно закрыл папку.
— Теперь можно знакомиться с человеком.
Он осторожно отогнул край простыни.
Лицо Джорджа Эллиса было спокойным.
Глубокие морщины расходились от уголков глаз.
Седые волосы были коротко подстрижены.
На левой руке по-прежнему оставалось обручальное кольцо.
— Первое, что ты должен сделать, — посмотреть внимательно.
Виктор молчал.
— Не искать недостатки.
Не думать о процедуре.
Посмотреть.
Он сделал паузу.
— Запомнить лицо.
Потому что через несколько часов именно к нему мы будем стараться вернуться.
Виктор всматривался в черты мужчины.
Он уже не видел перед собой просто тело.
Перед ним лежал человек, проживший почти восемь десятилетий.
Человек, которого сегодня будут оплакивать дети.
Возможно, внуки.
Друзья.
Соседи.
Томас словно прочитал его мысли.
— Никогда не пытайся представить, кем был человек.
Не придумывай ему историю.
История уже есть.
Наша задача — не изменить ее.
Наша задача — позволить родным увидеть того, кого они любят.
Он надел перчатки.
— Начинаем.
Все движения Томаса были спокойными и размеренными.
Никакой торопливости.
Никакой показной уверенности.
Каждый этап выполнялся так, словно существовал единственно возможный порядок действий.
Он негромко объяснял, зачем нужен тот или иной шаг, на что необходимо обращать внимание, каких ошибок избегать.
Виктор узнавал то, чему его учили в институте.
Но здесь теория становилась жизнью.
Именно здесь он понял, почему опыт невозможно заменить учебником.
Иногда Томас замолкал.
Просто работал.

И в этой тишине было больше знаний, чем во многих лекциях.
Через некоторое время он сделал шаг назад.
— Посмотри.
Виктор подошел ближе.
Лицо мужчины уже начинало меняться.
Исчезло напряжение последних часов болезни.
Черты становились мягче.
Спокойнее.
Томас кивнул.
— Видишь разницу?
— Да.
— Это только начало.
Он снял перчатки.
— Теперь твоя очередь.
Виктор почувствовал, как внутри снова появилось знакомое напряжение.
Он сделал шаг вперед.
Взял подготовленные материалы.
На мгновение задержал дыхание.
Затем начал работать.
Первые движения были осторожными.
Почти слишком осторожными.
Томас ничего не говорил.
Лишь наблюдал.
Иногда коротко подсказывал.
— Не спеши.
...
— Смотри на лицо целиком, а не на отдельную деталь.
...
— Хорошо.
Продолжай.
Постепенно руки перестали дрожать.
Вернулась уверенность, выработанная долгими часами практики в институте.
Но теперь она была другой.
Здесь не было преподавателя, который поставит оценку.
Не было экзамена.
Была ответственность перед людьми, которые через несколько часов войдут в прощальный зал.
Когда работа была закончена, Томас долго молча смотрел на лицо Джорджа Эллиса.
Потом медленно кивнул.
— Хорошее начало.
Это были первые слова похвалы за все утро.
И почему-то именно они значили для Виктора гораздо больше, чем любые отличные оценки, полученные за годы учебы.
Томас подошел к шкафу.
Достал аккуратно упакованный темно-синий костюм.
Белую рубашку.
Галстук.
И небольшую коробку.
Открыв ее, он достал старые наручные часы.

Те самые, о которых говорила Оливия.
Он бережно провел большим пальцем по потертому кожаному ремешку.
— Иногда, — тихо сказал Томас, — именно такие вещи завершают образ.
Он застегнул часы на запястье Джорджа так осторожно, словно помогал их надеть живому человеку.
Виктор вспомнил слова дочери:
"Папа никогда не снимал их..."
И вдруг понял, что сейчас они выполняют не просьбу.
Они возвращают человеку часть его жизни.
Переодевание заняло больше времени, чем ожидал Виктор.
Каждое движение требовало внимания.
Томас не позволял себе ни малейшей небрежности.
Он аккуратно расправил воротник рубашки, поправил галстук, разгладил складку на рукаве пиджака и сделал шаг назад.
Несколько секунд молча смотрел.
Потом снова подошел.
Чуть повернул манжет.
Исправил положение лацкана.
Совсем немного пригладил волосы.
Со стороны могло показаться, что эти мелочи ничего не меняют.
Но Виктор видел обратное.
Из комнаты подготовки постепенно исчезал безликий образ умершего человека.
Перед ними снова появлялся Джордж Эллис.
Таким, каким его привыкла видеть семья.
Томас заметил взгляд Виктора.
— Родные запоминают детали.
Он слегка коснулся галстука.
— Не потому, что специально их рассматривают.
Он покачал головой.
— Просто память устроена именно так.
Он обвел взглядом лицо Джорджа.
— Если галстук был завязан немного набок всю жизнь, жена заметит, что он вдруг оказался идеально ровным.
Если человек всегда носил волосы на определенный пробор, дочь почувствует, что перед ней будто кто-то другой.
Он посмотрел на Виктора.
— Мы не создаем красивую картинку.
Мы возвращаем привычный образ.
Виктор кивнул.
Теперь он понимал, почему Томас столько времени уделял, казалось бы, незначительным мелочам.
Они закончили подготовку.
Джорджа осторожно перенесли в гроб.
Томас расправил ткань подушки, поправил рукава пиджака и еще раз проверил положение рук.
На левом запястье поблескивали старые часы.
Он задержал на них взгляд всего на секунду.
Потом спокойно закрыл крышку коробки, в которой они лежали.
Она больше не была нужна.

Через некоторое время они уже стояли в прощальном зале.

Утренний свет стал ярче.

Белые лилии наполняли помещение тонким ароматом.

Все выглядело именно так, как Виктор видел накануне.

Только теперь зал перестал быть пустым.

В центре стоял гроб.

В нем лежал человек, которого скоро придут проводить в последний путь.

Томас внимательно осмотрел композицию.

Немного подвинул одну из цветочных ваз.

Попросил сотрудника приглушить освещение возле дальней стены.

Затем отошел на несколько шагов.

— Теперь правильно.

Виктор удивленно посмотрел на него.

Он едва заметил эти изменения.

Томас улыбнулся.

— Если гости обращают внимание на свет или цветы, значит, мы что-то сделали неправильно.

Они должны смотреть только на человека.

Дверь открылась.

Первыми вошли две женщины.

Одна — пожилая, с абсолютно седыми волосами.

Вторая — лет сорока пяти.

Они держались за руки.

Сделав несколько шагов, младшая остановилась.

Ее взгляд сразу нашел лицо отца.

Она замерла.

Потом медленно подошла ближе.

Ни она, ни пожилая женщина ничего не сказали.

Несколько долгих секунд в зале стояла полная тишина.

Потом дочь осторожно коснулась руки отца.

Ее пальцы задержались на запястье.

Она увидела часы.

Закрыла глаза.

И тихо прошептала:

— Спасибо...

Всего одно слово.

Едва слышное.

Но Виктору показалось, что именно ради него они работали все это утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.